ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
1947, том VI, вып. 5
сентябрь — октябрь

О. П. СУНИК

О КАТЕГОРИИ ОТЧУЖДАЕМОЙ И НЕОТЧУЖДАЕМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТУНГУСО-МАНЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

I

Первым, кто обнаружил два различных способа притяжательного оформления имен в одном из тунгусо-манчжурских языков, был проф. В. Г. Богораз.

В рукописи В. Г. Богораза, относящейся к 1895 г. (Колымская ссылка), находим следующее указание:

Притяжательные суффиксы в ламутском (эвенском) языке присоединяются способом: 1) непосредственно, напр. *min d'ú-u* „мой дом", или 2) со вставлением суффикса *-ŋ-*, напр. *min hälä-ŋ-u* „мое железо".

«По первому способу, — пишет В. Г., — образуется притяжательная форма большей части слов, означающих семейное родство, части человеческого тела и вообще предметы, близкие к человеческому телу, напр. обувь, одежда, оружие, жилище, скот и т. д.

По второму способу образуются притяжательные формы тех предметов, владение которыми имеет более отдаленный характер, напр. предметы торговли, охоты и т. д.»[2].

С незначительными редакционно-стилистическими изменениями эта формулировка воспроизведена в „Материалах по ламутскому языку", изданных В. Г. Богоразом в 1931 г.[3].

Автор приводит следующие примеры двоякого притяжательного оформления имен:

I способ: *min ätа-u* „мой дед", *mīn budäl-u* „моя нога", *min üräk-u* „мой седловой олень", *min dóbar-u* „мой топор", *min tätı-u* „моя одежда", *min häïta-u* „моя (травяная) стелька", *min mo-u* „мои дрова".

II способ: *min ülıki-ŋ-u* „моя белка", *min häkıta-ŋ-ū* „мой лес", *min boyú-ŋ-u* „мой дикий олень", *min toŋar-ä-ŋ-u* „мое озеро", *min häïta-ŋ-u* „моя трава", *min mo-ŋ-u* „мое бревно".

В том же 1931 г. были опубликованы материалы по негидальскому языку К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус.

Притяжательные аффиксы присоединяются к именам двояким образом — указывают авторы. — либо с помощью суффикса *-ŋ-*, либо без него.

Случаи наличия в притяжательных формах суффикса *-ŋ-* или отсутствия его аналогичны указанным выше для ламутского языка.

«В том случае, — пишут К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, — если объект является частью субъекта, или связь между ними носит как бы органический характер, или если название субъекта стало нарицательным для объекта, как, напр., в названиях местности, рек и пр. — притяжательные аффиксы присоединяются без суффикса *-ŋ-*.

[1] Доклад, читанный на Юбилейной научной сессии Института языка и мышления им. Н. Я. Марра в январе 1947 г.
[2] Архив АН СССР, фонд 250, оп. I, № 136, л. 143 (Ленинград).
[3] „Тунгусский сборник", I, АН, стр. 11 и след.

Если же обладание предметом носит более отдаленный или временный характер, или если оно понимается в переносном смысле, как, напр., в сказках, подобно русскому „как пошел наш козел“ — притяжательные аффиксы присоединяются с помощью аффикса *-ŋ-*.

Примеры: *вэуó igdö-nɪn* „человек череп его“ (т. е. человеческий череп, а не животного, напр.); *ťay igdö-ŋ-ɪ-nɪn omoprà* ...„тот череп ее потерялся“ (т. е. тот череп, который у нее был); *gúrí iγö-nín* „Гуркина протока“ (название); *nuŋán iγö-ŋ-i-nín* „его протока“ (т. е. протока, где он ловил рыбу); *min oyó-m* „мой домашний олень“ (т. е. олень, принадлежащий мне), *min boyú-ŋ-ɪ-w* „мой сохатый“ (т. е. сохатый (лось), которого я убил); *nuŋán asi-nín* „его жена“; *nuŋán sama-ŋ-nín* „его шаман“»[4].

В изданных в последующие годы работах исследователи других тунгусо-манчжурских языков — тунгусского, удэйского, нанайского, ульчского, орокского — отметили в той или иной формулировке такие же два способа притяжательного оформления имен, указывая иногда, что происхождение и значение этих форм не совсем ясно.

Г. М. Василевич в перечне суффиксов, приложенном ею к „Эвенкийско-русскому словарю“, изданному в 1940 г.[5], на стр. 203 пишет:

«*-нг(и)* при именной основе перед суфф. мн. ч., падежа или притяжения. Суфф. потенциальной собственности: *бэюнгми* „мой зверь“ (зверь, который может стать моей собственностью)».

В очерке грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, опубликованном Г. М. Василевич в том же 1940 г., на стр. 59 читаем:

«Показатель принадлежности *-нги* образует притяжательные прилагательные от основ существительных, от недифференцированных имен орудия, деятеля и действия и притяжательные местоимения от личных местоимений, например *бэенги* „мужской“; *сулакинги* „лисий“; *миннги* „мой“; *экунгги* „чей“; *хавамнинги* „принадлежащий рабочему“.

Этот же суффикс в существительных обозначает принадлежность вообще или право собственности, а также пользование, например: *бэюнгин* „зверь его, на которого он имеет право собственности“; *бирангит* „река наша, на промысловые участки которой мы имеем право“».

Этими указаниями исчерпываются появившиеся в печати суждения Г. М. Василевич по интересующему нас вопросу. Они далеко не полно освещают суть дела.

В одной из последних по времени издания работ, посвященных исследованию эвенкийского языка — в диссертации А. Ф. Бойцовой „Категория лица в эвенкийском языке“[6], в разделе, озаглавленном „Два способа присоединения притяжательных аффиксов к именам“, читаем:

«Как в эвенкийском, так и в других тунгусо-манджурских языках различаются две формы обладания. Во-первых, обладание предметами наиболее близкими, непосредственно связанными с человеком, имеющими с ним естественно-биологическую связь, составляющими части его тела, а также предметами необходимыми и неотъемлемыми от человека в процессе производства. Во-вторых, обладание предметами, которые приобретаются извне или находятся во временном пользовании, предметами, могущими принадлежать не только мне и коллективу, членом которого я являюсь (семья и пр.), но и другими предметами, которые оказываются в моем пользовании благодаря тому или иному обстоятельству. Это различие выражается особыми способами присоединения притяжательных

---

[4] „Материалы по исследованию негидальского языка“, „Тунгусский сборник“, I, АН, стр. 149.

[5] Изд-во иностранных и национальных словарей, М.

[6] Изд. Главсевморпути, Л.—М., 1940.

суффиксов (непосредственно или с помощью суф. *-ŋi-*, *-ŋ-*. — О. С.). к названиям предметов первой и второй группы...»[7].

В эвенкийском языке к первой группе слов—указывает далее автор—относится родственная терминология, названия частей тела, домашних животных, орудий производства, одежды, домашней утвари и некоторые другие названия.

Ко второй группе относятся все прочие имена.

Приводятся многочисленные примеры различного притяжательного оформления имен:

I группа имен: *ам'ин-м'и* „мой отец", *эн'ин-м'и* „моя мать", *адил'-и-w* „моя сеть", *сукэ-w* „мой топор", *орон-м'и* „мой олень", *нинак'ин-м'и* „моя собака", *awун-м'и* „моя шапка", *дил'-и-w* „моя голова" и т. д.

II группа: *сулак'и-ŋи-w* „моя лисица" (мною добытая), *улук'и-ŋи-w* „моя белка" (мною добытая), *олло-ŋи-w* „моя рыба", *аг'и-ŋи-w* „моя тайга", *сahар-ŋи-w* „мой сахар", *онокто-ŋи-w* „моя материя" и т. д.

В приведенном отрывке из сочинения А. Ф. Бойцовой имеется, как это будет ясным впоследствии, несколько неточностей. Пока, чтобы больше не возвращаться к этому, отметим одну из них: Не во всех тунгусо-маньчжурских языках различаются две формы обладания, как пишет А. Ф. Бойцова. Такого различия нет в маньчжурском языке, не отмечено оно и в солонском и баргузинском говорах эвенкийского языка.

А. Н. Улитин, опубликовавший в 1933 г. краткие грамматические сведения о нанайском языке[8], рассматривая морфологию слова *тарапguy*, или *тараŋuy*, замечает: «*тара* „старик" *-guy* притяж. аффикс (происхождение неясно.)»[9]. И далее: «*таman-go-ni* „его старуха", *-ni* — местоим. притяж. суфф. 3 л. ед. ч. ... Что же касается *-go* ↔ *-gu*, его значение не вполне ясно. Чаще всего он показывает на то, что данный предмет приобретен, найден, рожден (женился, вышла замуж). Например, *pıkta-gu-ı bāhanı* „дитя родила", *ası-gu-ı bahanı* „женился", „жену нашел". По всей вероятности, выражает какую-то степень обладания (собственности). После себя получает местоим. притяж. суффикс»[10].

А. Н. Улитину не удалось описать интересующие нас притяжательные формы и установить их значение.

Т. И. Петрова, опубликовавшая через два года „Краткий нанайско-русский словарь с приложением грамматического очерка"[11], на стр. 95 пишет:

«Когда нужно бывает оттенить принадлежность данного предмета данному лицу (например, как добытого им или освоенного), перед личным или возвратным суффиксом ставится суффикс *-ŋgo/-ŋgu*, например: *mi səpə-ŋgu-i* „мой соболь" (добытый мной или выслеживаемый). Следует иметь в виду, что названный суффикс не может прилагаться чисто формально ко всем именам. К некоторым именам он вообще не прилагается, другие без него с личным и возвратным суффиксом не употребляются (например: *səpə* — соболь), соединяясь же с некоторыми, придает выражению специфический смысл. Так, выражение *mi enda-ŋgo-i* употребляется как ругательство, перевести же его просто как „моя собственная собака" — нельзя».

В работе, изданной Учпедгизом в 1941 г., — „Очерк грамматики нанайского языка" — Т. И. Петрова на стр. 32 сообщает:

„При образовании притяжательных форм в нанайском языке в некоторых случаях употребляется относительно-притяжательный суффикс *-нго*, *-нгу*, который ставится всегда перед притяжательным суффиксом.

---

[7] Указ. соч., стр. 137 и след.

[8] А. Улитин, Материалы по гольдскому (нанайскому) языку, Сборник „Язык и мышление", I, АН, 1933.

[9] Указ. соч., стр. 133.

[10] Там же, стр. 136—137.

[11] Учпедгиз, Л., 1935.

Суффикс *-нго, -нгу* с притяжательными формами употребляется тогда, когда надо подчеркнуть принадлежность данного предмета данному лицу или как добытого им, или вообще тем или иным путем освоенного. Например: *сэпэ-нгу-си* — „твой соболь".

Названия вещества образуют притяжательную форму только при обязательном наличии относительно-притяжательного суффикса *-нго, -нгу*. Например: *ми сэлэ-нгу-и* „мое железо".

Когда речь идет о частях организма самого обладателя, то суффикс *-нгу, -нго*, как это следует из сказанного о нем выше, в образовании притяжательных форм не участвует. Например: *ми дили-и* „моя голова"; *ми дили-нго-и* „моя голова" (в значении мне принадлежащая чья-то голова, например, „убитого зверя")."

II

Прошло, таким образом, полвека с тех пор, как Богораз констатировал в одном из тунгусо-маньчжурских языков два способа присоединения притяжательных аффиксов к именам.

Начиная от ценнейших грамматических наблюдений над ламутским языком В. Г. Богораза и кончая содержательной работой А. Ф. Бойцовой по тунгусскому языку, исследователи тунгусо-маньчжурских языков в тех или иных выражениях подчеркивали прежде всего формальный момент: два способа присоединения притяжательных аффиксов. При этом некоторым из авторов, и прежде всего проф. В. Г. Богоразу, удалось также выявить наличие двух групп, или классов, имен:

1) Класс имен, обозначающих предметы, которые находятся или могут находиться в неразрывной, органической принадлежности с их обладателями; 2) класс имен, обозначающих предметы, обладание которыми носит или может носить лишь отдаленный, неорганический характер (характер освоения, добычи, купли-продажи и т. п.)."

Имена первого класса притяжательно оформляются по ряду органической (неотчуждаемой) принадлежности:[12]

Эвенки. *орон-ми* „мой домашний олень"
Эвен. *орон-си* „твой домашний олень"
Негидал. *оё-м* „мой домашний олень"
Удэ. *ин'аи-ни* „его собака"
Ульчи. *орон-су* „ваш домашний олень"
Нанай. *ором-пу* „наш домашний олень"[13]

Имена второго класса притяжательно оформляются по ряду неорганической (отчуждаемой) принадлежности:

Эвенки. *бэюн-нги-с* „твой дикий олень"
Эвен. *буюн-нг-ун* „наш дикий олень"
Негидал. *бою-нг-и-в* „мой сохатый (лось)"
Удэ. *гиусэ-нги-ни* „его косуля"
Ульчи. *сиру-нгу-ты* „их дикий олень"
Нанай. *сиру-нгу-чи* „их дикий олень"

Имена, обозначающие части тела и некоторые другие предметы (см. примеры ниже), могут оформляться, зависимо от обстоятельств, и по первому, и по второму ряду:

---

[12] Все последующие примеры из тунгусо-маньчжурских языков приводятся в написании, принятом для практических целей, — на алфавите, построенном на русской графической основе.

[13] По этому же способу оформляются притяжательные конструкции, выражающие принадлежность части целому, типа нанай. *мо хабдата-ни* „дерево лист его" (лист дерева), *дэрэ бэгди-ни* „стол нога-его" (ножка стола) и т. п. Точно так же оформлены сочетания имен с именами-послелогами: нанай, *дё до-ла-ни* „дом внутри его" (в доме), *дё пэтиэ-лэ-ни* „дом внизу-его" (под домом) и т. д. По этому же способу оформляется связь подлежащего со сказуемым в именных предложениях посессивного строя, о чем см. ниже.

1) *Ряд органической (неотчуждаемой) принадлежности*:
Эвенки. *аси-в* „моя жена“
Эвен. *мо-с* „твои дрова“
Негидал. *бэё игдо-нин* „человека череп“
Нанай. *най дили-ни* „человека голова“
2) *Ряд неорганической (отчуждаемой) принадлежности*:
Эвенки. *аси-нги-в* „моя женщина“ (не жена!)
Эвен. *мо-нг-у* „мое дерево“ („освоенное“ дерево)
Негидал. *бэё игдо-нг-и-нин* „его (ее) череп“ (чей-то череп, который находится, имеется у него)
Нанай. *дили-нго-си* „твоя голова“ (чья-то голова, которая находится, имеется у тебя)

Следует подчеркнуть, что намеченные выше ряды (способы) различного притяжательного оформления имен отнюдь не ограничены употреблением только в притяжательных конструкциях с посессивными [личными и безличными (возвратными)] аффиксами.

Те же ряды прослеживаются в формах обладания и необладания, характеризующихся, например, в нанайском суффиксом *-ку* (в других тунгусо-маньчжурских языках *-чу*, *-чи*). Приведем примеры из нанайского языка:

1. *Ряд органической (неотчуждаемой) принадлежности (имена первого класса)*:

орон-ку най „оленный человек“ (человек, имеющий оленя)
орон ана най „безоленный человек“ (человек, не имеющий оленя)

2. *Ряд неорганической (отчуждаемой) принадлежности (имена второго класса)*:

сиру-нгу-ку най „дикооленный человек“ (человек, имеющий дикого оленя)
сиру-нгу ана най „бездикооленный человек“ (человек, не имеющий дикого оленя)

Имена, обозначающие части тела и некоторые другие предметы, также могут иметь двоякое оформление:

дили-ку най „с головой человек“ (человек, имеющий на плечах голову)
дили-нго-ку най „с чьей-либо головой человек“ (человек, имеющий голову убитого животного и т. п.)

В отрицательной форме (в форме необладания) находим аналогичные конструкции:

дили ана най „без головы человек“
дилингу ана най „без чьей-либо головы человек“

При описании и анализе „двух способов присоединения притяжательных суффиксов“ тунгусо-маньчжуроведы, к сожалению, не приняли в расчет материал и анализ этого материала, предложенный исследователями других архаических языков, в которых были уже давно обнаружены аналогичные факты. Пожалеть также следует и о том, что специалисты по отдельным тунгусо-маньчжурским языкам не учитывали надлежащим образом изданных работ своих же ближайших по специальности коллег и объявляли порой неясным то, что было давно уже выяснено В. Г. Богоразом.

III

Два ряда притяжательных форм, аналогичных в принципе своего образования формам тунгусо-маньчжурским, засвидетельствованы в ряде архаических языков мира — в языках меланезийских, суданских, американо-индейских, в некоторых кавказских, в некоторых финно-угорских и других.

В целях освещения тунгусо-маньчжурских форм необходим всесторонний учет важнейших результатов исследований, посвященных интересующей нас проблеме.

Известный французский этнолог Леви-Брюль в работе, опубликованной им в 1914 г. и озаглавленной „Выражение посессивности в меланезийских языках",[14] в качестве замечательного отличия меланезийских языков от малайских и полинезийских указывает на то обстоятельство, что имена существительные в меланезийских языках делятся на два класса:

I класс (имена, принимающие посессивный аффикс) состоит из имен, обозначающих части тела, части предмета, предметы, находящиеся в тесной связи с человеком, отношения родства, некоторые предлоги.

II класс обнимает все остальные имена (принадлежность в этих случаях обозначается не аффиксом, а отдельным словом).

Заслугой Л.-Брюля перед наукой является то, что он не только систематизировал относящиеся к теме факты, собранные целым рядом исследователей, но и попытался эти факты разъяснить.

Свое исследование Л.-Брюль резюмирует следующими словами: «Можно считать доказанным, что здесь (у меланезийцев) существует представление или ощущение отношений, которые далеки от того, что мы называем „собственностью" и „обладанием" (посессивностью). Это скорее отожествление предмета собственности с личностью собственника. Меланезийские языки имеют то преимущество, что делают, так сказать, ощутимым различие между этими отношениями сопричастности (партиципации) и тем, что вообще называется принадлежностью (посессивностью). Их деление имен существительных на два класса имеет, следовательно, социологический интерес, и внимательный анализ этого факта может способствовать точному объяснению некоторых учреждений низших обществ.»

Исследование Л.-Брюля о посессивности в меланезийских языках имеет огромное значение в постановке и освещении проблемы. Существенным недостатком, однако, в его концепции является попытка разъяснить интересующую нас категорию, исходя только из некоторых особенностей первобытного мышления, которое он характеризует в целом как мышление алогическое или прелогическое. Концепция Л.-Брюля носит односторонний, идеалистический характер.

Другой известный зарубежный ученый, лингвист Уленбек в работе, озаглавленной „Об идентифицирующем характере посессивной флексии в языках Северной Америки" и опубликованной им в 1917 г.,[15] рассматривает категорию отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в ряде американо-индейских языков.

К классу имен предметов неотчуждаемой принадлежности и здесь относятся термины родства, названия частей тела, орудия, обувь и т. п.

К классу имен предметов отчуждаемой принадлежности относятся все прочие имена.

В соответствии с выводами Л.-Брюля Уленбек определяет аффиксы неотчуждаемой принадлежности как идентифицирующие.

Такая форма, как дакота *miča"te*, означает, согласно Уленбеку, не „мое сердце",а выражает идентичность самого себя с сердцем. С другой стороны, в выражениях типа „мое сердце" Уленбек усматривает как бы аппозитивное сопоставление двух самодовлеющих начал; „я" — „сердце", между которыми мыслится смутная, малоопределенная связь.

---

14 Levy-Bruhl, L'expression de la possession dans les langues mélanésiennes, „Memoires de la Société de linguistique de Paris", T. XIX, fasc. 2, Paris, 1914. Указанная работа Л.-Брюля обстоятельно изложена и подробно комментирована Н. Ф. Яковлевым. См. проф. Н. Ф. Яковлев и доц. Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, АН, 1941, стр. 454—459.

15 C. Uhlenbeck, Het identificeerend karakter der possessieve flexie in talen van Nord-America, „Verslagen and mededeelingen der Kon. Akademie van Wetenschappen, V, 2, 4, Amsterdam, 1917.

Уленбек подчеркивает первичность происхождения форм неотчуждаемой флексии в сравнении с формами для выражения принадлежности отчуждаемой.

Он указывает также на тенденцию группы имен класса неотчуждаемой принадлежности к уменьшению и связывает это с растущей дифференциацией объективного и субъективного в первобытном сознании.

Исследования Л.-Брюля и Уленбека заслуживают большого внимания. Они представляют собой первый этап научного освещения, а не одной лишь формальной констатации этого интереснейшего факта из области архаичного языка.

Из советских лингвистов категорию отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности основательно исследовал проф. Н. Ф. Яковлев на материалах главным образом адыгейского языка.

Относящиеся к проблеме факты были опубликованы Н. Ф. Яковлевым в соавторстве с доц. Д. Ашхамафом в „Краткой грамматике адыгейского (кяхского) языка", изданной в Краснодаре в 1930 г.

Углубленному теоретическому освещению этих фактов посвящены две главы „Грамматики адыгейского литературного языка" тех же авторов, изданной в 1941 г.[16]

«В адыгейском языке, — указывают авторы, — имеются две разновидности притяжательных префиксов, которые применяются в зависимости от различия в характере принадлежности.»[17]

Первый вид — префиксы неотчуждаемой, или органической, принадлежности.

Второй вид — префиксы отчуждаемой, или имущественной, принадлежности.

К первому виду принадлежности относится, как указывают авторы, реальная принадлежность членов и органов тела всему организму, частей предмета — целому предмету, а также некоторые отношения родства и некоторые пространственные и временные отношения.

Второй вид принадлежности составляет принадлежность предметов собственности их владельцу.

Авторы „Адыгейской грамматики" указывают на следующие очень важные моменты:

1. В адыгейском языке притяжательные аффиксы органической принадлежности исторически предшествуют возникновению аффиксов имущественной принадлежности.

2. Притяжательные аффиксы органической принадлежности образованы от корней личных местоимений.

3. Притяжательные аффиксы имущественной принадлежности образованы от аффиксов органической принадлежности путем прибавления к ним аффикса 3-го л. ед. ч. имущественной принадлежности *и* — „его"; аффиксы имущественной принадлежности разъясняются, следовательно, как „мой-его", „твой-его", „наш-его" и т. д.[18]

Проф. Н. Ф. Яковлев учел в своем исследовании материалы ламутского и негидальского языков, материалы североамериканских языков, исследования Л.-Брюля и Уленбека.

Указывая, что Л.-Брюль лишь отмечает большую важность явления, но не дает ему надлежащего объяснения, Н. Ф. Яковлев предпринимает попытку найти историческое объяснение этой категории.

Происхождение этих форм он относит к эпохе высшей ступени дикости и объясняет их возникновение, ссылаясь на развитие естественного разделения труда, возникновение обмена и двух форм собственности — общей, неотчуждаемой, и личной, отчуждаемой.

---

[16] Изд. АН СССР, М.—Л., стр. 292—306.
[17] Указ. соч., стр. 292.
[18] Указ соч.,стр. 291.

Возникновение и развитие форм частной собственности — отмечает Н. Ф. Яковлев — ведет к исчезновению сначала частиц органической собственности, а затем и частиц имущественной собственности, которые некоторое время служат для выражения частной собственности (кабардинский язык).

Другой советский лингвист проф. С. Д. Кацнельсон в своей известной работе „К генезису номинативного предложения“ [19] уделил значительное внимание категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в связи с освещением проблемы эргативного строя.

С. Д. Кацнельсон дал обстоятельный разбор выше упоминавшихся работ Л.-Брюля и Уленбека и сделал ряд метких замечаний и поправок к общетеоретическим высказываниям этих авторов.

Ссылаясь на голландского лингвиста Бадера, С. Д. Кацнельсон отметил некоторые пережитки интересующей нас категории в германских языках.[20]

IV

Возвратимся к материалам тунгусо-маньчжурских языков.

Как уже упоминалось, принято считать, что в этих языках имена первого класса (термины родства, названия предметов домашнего обихода и т. д.) притяжательно оформляются по ряду неотчуждаемой принадлежности — без суффикса *-нг*, *-нги*, *-нгу*; имена второго класса (названия веществ, представителей флоры, фауны и т. д.) притяжательно оформляются по ряду отчуждаемой принадлежности — притяжательным суффиксам предшествует суффикс *-нг*, *-нги*, *-нгу*.

Выделяется сравнительно небольшая группа имен, зависимо от обстоятельств получающая двоякое притяжательное оформление — либо по ряду отчуждаемой, либо по ряду неотчуждаемой принадлежности. Сюда относятся главным образом названия частей организма, по преимуществу в тех случях, когда эти названия являются идентичными для обозначения частей человеческого организма и частей организмов животных, зверей, рыб, птиц и т. д. Например, „голова“, „глаз“, „нога“, „сердце“ и т. п. Отмечены также немногочисленные случаи возможного двоякого притяжательного оформления таких слов, как „дерево“, „трава“, „женщина“ и некоторых других. В этих последних случаях наблюдается различие в смысловом (лексическом) значении притяжательно оформленных имен зависимо от вида (способа) их притяжательного оформления: ср. эвен. *мо-у* „мои дрова“, *мо-нг-у* „мое дерево“, *хайта-у* „моя травяная стелька“, *хайта-нг-у* „моя трава“, эвенки. *аси-в* „моя жена“, *аси-нги-в* „моя женщина“.

Предпринятый нами анализ материалов нанайского языка убеждает в том, что вышеочерченные рамки двоякого притяжательного оформления имен (независимо от их классовой принадлежности) должны быть значительно уточнены. Исходя из чисто формальных признаков, следовало бы признать, что все имена (не только существительные, но также и прилагательные и числительные) могут быть притяжательно оформлены как по ряду отчуждаемой, так и по ряду неотчуждаемой принадлежности, ибо зависит это не только от класса имен, выражающих объекты принадлежности, но в такой же мере и от того, кому или чему принадлежит тот или иной объект, т. е. это зависит также от субъекта принадлежности — обладателя.

Любое из имен класса отчуждаемой принадлежности может быть притяжательно оформлено как имя класса неотчуждаемой принадлежности

[19] Изд. АН СССР, Л., 1936.

[20] Указ. соч., стр. 99. На пережитки (следы) категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в древнекитайском и древнемонгольском указал нам проф. Б. К. Пашков, в древнеяпонском — доц. А. А. Холодович (из устных сообщений).

в тех случаях, когда это имя связано со своим „органическим обладателем“ — тем целым, частью которого оно является:

Ср. нанай. *най хабдата-нго-ни* „человека лист“
мо хабдата-ни „дерева лист“
ми усэлтэ-нгу-и „мой зверь“
дуэнтэ усэлтэ-ни „тайги (таежный) зверь“,
и т. д., и т. п.

Здесь, несмотря на внешнее противопоставление двух различных рядов притяжательных форм одного и того же имени, нет того подлинного противопоставления двух форм обладания (собственности), из которого складывается понятийная категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. В тех многочисленных случаях, когда первым компонентом притяжательной конструкции выступает имя, обозначающее нечто целое (общее), а вторым компонентом является имя, обозначающее некую часть этого целого (единичное) — „дерева лист“, „тайги зверь“, „реки рыбы“ и т. п., — не может, естественно, быть речи об обладании или собственности. В этих рамках исключено противопоставление двух различных притяжательных рядов, образующих грамматическую категорию отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. Подобные притяжательные конструкции, как и конструкции со вторым компонентом — послелогом (нанай. *дё дола-ни* — „внутри дома“ и т. п.), всегда „неотчуждаемы“, к ним не применимы два способа присоединения притяжательных суффиксов.

Противопоставление двух рядов притяжательных форм наблюдается только в тех притяжательных конструкциях, первым компонентом которых являются имена, обозначающие „лица“ — всевозможные социальные существа и иногда различные очеловеченные (антропоморфизированные) персонажи (обычно в фольклоре).

Деление на два класса имен, обозначающих объекты принадлежности, должно быть, следовательно, дополнено соответствующим делением имен, выражающих „субъекты принадлежности“:

1. Класс имен, обозначающих социальные или псевдосоциальные (антропоморфизированные) существа;

2. Класс имен, обозначающих все прочие предметы.

Такая двучленная классификация имен в нанайском и других тунгусо-манчжурских языках существует объективно и отмечена всеми исследователями указанных языков. Первый класс имен (так называемый „класс разумных существ“) охватывается вопросительным местоимением *уй* (*нгуй*) „кто“, второй класс (так называемый „класс неразумных существ“) — вопросом *хай* „что“.

Как указывалось выше, в тех случаях, когда „субъекты принадлежности“ выражены именами, обозначающими не социальные существа (а все прочие предметы), притяжательные конструкции строятся только по ряду органической принадлежности, и о делении на классы имен, обозначающих „объекты принадлежности“, здесь не должно быть речи. Говорить в этих случаях о принадлежности, обладании или собственности в общепринятом значении этих терминов нельзя, следует говорить о партитивности.

Деление на два класса имен, обозначающих объекты принадлежности, действительно, таким образом, лишь для тех случаев, когда первый компонент притяжательной конструкции выражен именем, обозначающим социальное (или псевдосоциальное) существо.

Впрочем, и здесь необходимы существенные уточнения: и в этих конструкциях не исключена весьма широкая возможность двоякого притяжательного оформления имен, выражающих объекты принадлежности,

независимо от их класса, причем такое двоякое притяжательное оформление никак не ограничивается семантикой имени или его принадлежностью к той или иной части речи.

Приведем примеры из нанайского языка:

1. *Объекты принадлежности выражены именами класса неотчуждаемой принадлежности:*

а) Ряд неотчуждаемой принадлежности:

амим-би „мой отец", *эним-би* „моя мать", *тэтуэ-и* „моя одежда", *ота-и* „моя обувь", *инда-и* „моя собака"[21], морим-би „моя лошадь", адоли-и „моя сеть", дёг-би „мой дом" и т. д.

б) Ряд отчуждаемой принадлежности:

ами-нги-и (*ами-нго-и*)[22] „мое отцовское" (что либо связанное с отцом, принадлежащее ему, но находящееся у меня), *эни-нги-и (эни-нгу-и)* „мое материнское", *тэтуэ-нги-и (тэтуэ-нгу-и)* „мое нечто, относящееся к одежде" (ее части, виды и т. п.), *ота-нги-и (ота-нго-и)* „мое нечто, относящееся к обуви" („мое обувное"), *инда-нги-и (инда-нго-и)* „мое нечто, относящееся к собаке" („мое собачье")[23], *мори-нги-и (мори-нго-и)* „мое нечто, относящееся к лошади" („мое лошадиное")[24], *адоли-нги-и (адоли-нго-и)* „мое нечто, относящееся к сети" (ее части, принадлежности и т. п.), *дё-нги-и (дё-нго-и)* „мое нечто, относящееся к дому" и т. д.

2. *Объекты принадлежности выражены именами класса отчуждаемой принадлежности:*

а) Ряд неотчуждаемой принадлежности:

най-и „я человек", *мапа-и* „я старик" („мужик"), *эктэ-и* „я женщина", *мама-и* „я старуха" („баба"), *енгур-би* „я волк", *согдата-и* „я рыба", *хаха-и* „я храбрец" („герой") и т. д.

б) Ряд отчуждаемой принадлежности:

мапа-нго-и „мой старик" („мужик", „мой муж"), *най-нго-и* „мой человек", *эктэ-нгу-и* „моя женщина (жена)," *мама-нго-и* „моя старуха, баба (жена)", *енгур-нгу-и* „мой волк", *согдата-нго-и* „моя рыба", *хаха-нго-и* „мой храбрец (герой)" и т. д.

Как должно быть видно из приведенных примеров и их перевода, различное притяжательное оформление имен связано не только с передачей характера принадлежности, но и с типом синтаксических отношений, возникающих между членами притяжательной конструкции — притяжательно-атрибутивным типом (*ми най-нго-и* „мой человек") или притяжательно-предикативным (*ми най-и* „я человек").

Рассмотрение приведенных конструкций можно резюмировать следующим образом:

Субъект обладания (всегда выражаемый именами класса социальных существ!) *плюс* объект обладания, выраженный именем класса неотчуждаемой принадлежности, *дает* либо обычную притяжательно-атрибутивную конструкцию неотчуждаемой принадлежности, либо притяжательно-атрибутивную конструкцию отчуждаемой принадлежности особого значения (ср. „мой отец" и „мое отцовское").

Субъект обладания *плюс* объект обладания, выраженный именем класса отчуждаемой принадлежности, *дает* либо притяжательно-атрибутивную конструкцию отчуждаемой принадлежности, либо притяжательно-

---

[21] Пережиточно (в полу-идиоматическом употреблении) *инда-и* значит также „я собака". См. В. А. Аврорин, „К истории склоняемых оборотов в нанайском языке", „Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка", т. V, вып. 5, стр. 403, 1946 г.

[22] Различие форм суффикса *-нгу*, *-нги* в данном случае является диалектальным.

[23] Это выражение в современном нанайском языке имеет значение ругательства, вроде русского „сукин сын". См. Т. И. Петрова, Краткий нанайско-русский словарь, Учпедгиз, 1935, стр. 95.

[24] Может также значить „моя лошадь". Коневодства до недавнего времени у нанайцев не было и *морин* „лошадь" иногда выступает как имя класса неотчуждаемой принадлежности.

предикативную конструкцию, выражающую предложение особого, получившего в лингвистике название посессивного, строя[25].

В тех случаях, когда „субъект обладания" выражен классом имен, обозначающих не „лица", а „предметы", — „объектом обладания" может быть имя любого класса; конструкция всегда оформляется по ряду неотчуждаемой принадлежности, отношения между ее членами будут всегда атрибутивно-притяжательны. Конструкции эти, как уже указывалось, не имеют прямого отношения к интересующей нас категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, если иметь в виду не одну из форм ее выражения, а актуально действующую понятийную и грамматическую категорию современных тунгусо-манчжурских языков, сложившуюся в результате противопоставления двух различных представлений о характере собственности, нашедших свое формальное выражение в двух противостоящих морфологических рядах.

Для полноты картины приведем дополнительные примеры из нанайского языка, характеризующие наличие указанных двух противостоящих рядов форм, охватывающих не только имена существительные, но и некоторые другие именные части речи:

а) Ряд неотчуждаемой принадлежности:

ми улэм-би „я хороший" („моя хорошесть"), *ми орким-би* „я плохой" („моя плохость"), ми маси-и „я сильный" („моя сильность"), *ми эдэм-би* „я глуп" („моя глупость"), *буэ надам-пу* „нас семеро", *буэ илам-пу* „нас трое" и т. д.

б) Ряд отчуждаемой принадлежности:

ми улэ-нгу-и „мой хороший", *ми орки-нго-и* „мой плохой", *ми маси-нго-и* „мой сильный", *ми эдэ-нгу-и* „мой глупый", *буэ нада-нго-пу* „наши семь (семеро)", *буэ ила-нго-пу* „наши три (трое)" и т. д.

V

Отношения собственности, как известно, являются отношениями социальными, человеческими, они существуют только в обществе. Без этих отношений общество не мыслимо, ибо всякое общество связано с исторически определенным способом производства и присвоения, следовательно с той или иной формой собственности.

«Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством общественной формы. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства.»[26]

Однако *внешне* эти общественные отношения (отношения собственности) обычно выглядят не как отношения между людьми, а как отношения человека к предмету, вещи.

Человек — указывает Маркс — присваивает себе свою разностороннюю сущность разносторонними способами, т. е. как целостный человек. Каждое из его человеческих отношений к миру... является в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении* к предмету[27].

Только частная собственность — пишет Маркс — сделала нас столь тупыми и односторонними что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем... На место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств, чувство обладания.[28]

Тем не менее, языки так называемых цивилизованных народов не знают специальных грамматических различий в выражении разных форм собственности, обладания, принадлежности. Ср. *моя рука, мой отец,*

[25] См. Акад. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, Учпедгиз, 1940.
[26] К. Маркс, К критике политической экономии, 1939, стр. 138.
[27] К. Маркс, Подготовительные работы для святого семейства, Соч., III, стр. 625.
[28] Там же, стр. 625.

мой дом, мой лес, моя звезда, мой город; или — *отца дом, крыша дома, фабрика Иванова, территория фабрики* и т. д., и т. п.

Формы языка здесь затушевывают, формально идентифицируют различного рода отношения человека к предмету, не проводя различия для выражения отношений соответственности, обладания, партитивности.[29]

По-другому отношения собственности выражены в архаических языках, сложившихся в эпоху, когда говорившие на них народы не знали частной собственности, присущей обществам последующих классовых формаций.

На ранних ступенях общественного развития собственность, как указывает Маркс, выражала «отношение человека к его естественным условиям производства, как к принадлежащим ему, как к своим, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным бытием*; отношение к ним, как к *естественным предпосылкам* его самого образующим, так сказать, лишь его удлиненное тело.»[30]

Простейшим видом (способом) выражения отношений собственности (в их внешнем, предметном выражении) в тунгусо-манчжурских языках является притяжательная конструкция ряда неотчуждаемой, или органической, принадлежности типа нанай. *инда-и* ← **инда би* „собака я" (в современном осмыслении — „моя собака", но пережиточно также — „я есмь собака").

Анализ этих конструкций подтверждает выводы Л.-Брюля о том, что в формах выражения неотчуждаемой принадлежности в *генетическом плане* мы имеем дело не с той или иной формой собственности в нашем смысле слова, а с сопричастностью, взаимопринадлежностью, известного рода отождествлением личности собственника и предмета собственности.

У первобытного человека, — говоря словами Маркса, — «собственно нет отношения к своим условиям производства», т. е. здесь еще отсутствует полное осознание и фиксация в речи отношений собственности. «Дело обстоит так, что он сам (первобытный человек. — *О. С.*) существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно — в этих естественных неорганических условиях своего существования.»[31]

Термин „сотелесность", предложенный Н. Ф. Яковлевым[32] (на основании вышеприведенных высказываний Маркса) для обозначения этого древнейшего вида отношений собственности, представляется нам очень удачным и вполне приемлемым для генетической характеристики аналогичных конструкций тунгусо-манчжурских языков.

В полном соответствии с выводами Л.-Брюля, Уленбека, Яковлева, исследовавших эту категорию в других архаичных по своему строю языках, нужно признать, что и в тунгусо-манчжурских языках конструкции для выражения неотчуждаемой собственности исторически предшествуют возникновению конструкций, выражающих отчуждаемую собственность. В этом убеждает производный характер последних конструкций, осложненных дополнительным притяжательным суффиксом *-нг, -нги, -нгу*.

Впрочем, как уже нами подчеркивалось, до возникновения форм отчуждаемой принадлежности нельзя говорить о формах неотчуждаемых, ибо как таковые они возникают одновременно, по противоположности. Формы, ставшие впоследствии неотчуждаемыми, существовали и до этого, но значение их было качественно иным. Они выражали соположение, соотнесение лица и предмета, связь между которыми (как пережиточно это наблюдается и сейчас) была то атрибутивно-притяжательной, то предикативно-притяжательной (атрибутивно-предикативной): ср. нанай. *инда-и* „моя собака" („моя собачность"), *най-и* „я человек" („моя чело-

[29] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 210.
[30] „Формы, предшествующие капиталистическому производству", „Пролетарская революция", № 3, 1939, стр. 165.
[31] См. „Пролетарская революция", № 3, 1939, стр. 165.
[32] Цит. соч., стр. 459.

вечность"), *нучи-и* „я мал" („моя малость"), но *нгала-и* „моя рука" *амим-би* „мой отец", *дёг-би* „мой дом" и т. д.

В формах ряда отчуждаемой принадлежности мы обнаруживаем иное положение. В современных тунгусо-манчжурских языках синтаксические отношения между членами этого вида посессивных конструкций имеют всегда достаточно определенный характер. По своему содержанию эти конструкции выражают всегда отношения собственности; в плане грамматическом они всегда выражают отношения атрибутивно-посессивные.

Этимологическое значение аффиксов отчуждаемой принадлежности разъясняется из сопоставления их с местоименным словом нанай., ульчи, *уй, нгуй*, эвенки., эвен., удэ. *нги, ни*. Значение этого слова более или менее соответствует русскому вопросительному местоимению „кто?"[33].

Нанай. *уй дичи-ни* „кто (что за человек) пришел", ульчи. *нгуй хагду-ни* „кто (какого человека) дом", т. е. „чей дом", эвенки. *нгӣ (нӣ) гэрбӣ-с* „кто имя (ты)", т. е. „чьего ты имени", „как твое имя" и т. п.

Показатель отчуждаемой принадлежности *-нгу, -нги, -нг* является фонетически редуцированной и грамматикализованной формой этого местоименного слова, превратившегося в простую морфему — аффикс.

Таким образом, конструкции отчуждаемого ряда типа нанай. *ми дили-нго-и* „моя голова" в генетическом отношении разъясняются как *голова кто-то (кого-то) я (моя)*, т. е. чья-то голова, принадлежащая мне.

Тунгусо-манчжурские формы отчуждаемой принадлежности по своему происхождению представляют полную типологическую аналогию формам того же ряда в адыгейском языке, генезис которых раскрыт Яковлевым.[34]

Возникновение и развитие форм, выражающих отчуждаемую принадлежность, связано не только с наличием, но и с осознанием, с фиксацией в формах языка отношений первобытной собственности. Их возникновение связано с распадом той „сотелесности", как бы органической связи человеческого коллектива с естественными условиями бытия, о которых говорилось выше. Это связано с выделением и развитием в человеческом сознании мира субъективного и мира объективного, общества и природы.

С возникновением форм ряда отчуждаемой принадлежности возник и ряд принадлежности неотчуждаемой. Для этого ряда была использована старая форма, выражавшая прежде отношения „сотелесности" и получившая теперь иное содержание, противополагаемое ряду отчуждаемой принадлежности.

По первому ряду (ряду неотчуждаемой принадлежности) стали оформляться имена, обозначающие предметы, теснейшим образом связанные с человеческим коллективом и отдельными его членами. Ряд этот стал выражать собственность личную и коллективную, данную в качестве как бы естественных, неотъемлемых условий повседневного существования как всего человеческого коллектива, так и каждого из его членов. По этому же ряду продолжали и продолжают оформляться не только отношения, связанные с собственностью, но и отношения родства, свойства, отношения партитивные (части и целого).

По второму ряду (ряду отчуждаемой принадлежности) стали оформляться имена, обозначающие предметы освоенные, добытые, приобретенные тем или иным способом. Сюда, как это было уже показано выше на ряде примеров, стали входить слова и термины, обозначающие объекты охотничьего и рыбного промысла, земельные участки, угодья, реки (рыбалки) и все то, что „отчуждалось" от них (т. е. добывалось, осваи-

[33] См. выше.

[34] Проф. Н. Ф. Яковлев, доц. Д. Ашхамар, Грамматика адыгейского литературного языка, АН, 1941, стр. 294.

валось), входя в употребление человеческого коллектива, становясь собственностью как коллектива в целом, так и его отдельных членов.

Таковы общие линии, по которым идет различие двух видов собственности, прослеживающихся в языках тунгусо-манчжурских племен, находившихся до Великой Октябрьской социалистической революции на ступени позднеродового строя и в основном еще не знавших деления общества на антагонистические классы.

Повторяем, таковы лишь общие линии различия в двух рядах форм и двух видах обладания или собственности. На практике мы сталкиваемся со значительными отклонениями от них.

Говоря об этих отклонениях („исключениях"), следует иметь в виду два существенных момента:

1. Целый ряд отклонений в пределах ряда форм неотчуждаемой принадлежности несомненно связан с историческим прошлым этого ряда, выражавшего не только и не столько отношения собственности, сколько отношения „сотелесности", включавшие и отношения собственности (посессивно-атрибутивные), и отношения партитивности („отождествления"), и отношения субъектно-предикативные (предложение посессивного строя).

2. Целый ряд отклонений в пределах ряда форм отчуждаемой принадлежности (а также ряда форм неотчуждаемой принадлежности) связан с разрушением грамматической категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-манчжурских языках, с деформацией и нивелировкой различных форм для выражения двух некогда различных видов обладания или собственности.

Частная собственность, возникшая еще в недрах первобытно-общинного строя, на определенном этапе развития общественных отношений, сделала несущественным или малосущественным различие двух видов собственности: постепенно „на место *всех* физических и духовных чувств, — как указывает Маркс, — стало простое отчуждение всех этих чувств, чувство обладания".

По наблюдениям Н. Ф. Яковлева, в адыгейском и кабардинском языках господствующими стали формы отчуждаемой принадлежности. По нашим наблюдениям, в нанайском и других тунгусо-манчжурских языках формами господствующими (универсальными) становятся формы ряда неотчуждаемой принадлежности, переставая, естественно, при этом быть таковыми и становясь общими, едиными формами выражения собственности любого рода.

Существо указанных наблюдений одно и то же: и в первом случае (языки адыгейский, кабардинский) и во втором (языки тунгусо-манчжурские) мы имеем дело с возникновением единых, универсальных форм выражения партитивности, принадлежности, обладания, собственности, как это свойственно языкам так называемых цивилизованных народов.

VI

В заключение коротко о терминологическом определении рассмотренной нами категории.

Излагая результаты исследования, мы пользовались наиболее распространенными в общелингвистической литературе терминами — „отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность". Параллельно приводились термины, встречающиеся в исследованиях по тунгусо-манчжурским языкам — „органическая и неорганическая принадлежность".

Узловой термин „принадлежность", зависимо от обстоятельств (аспекта рассмотрения), приходилось дополнять, с одной стороны, терминами „сотелесность", „сопричастность", „партитивность", с другой стороны, — терминами „обладание", „собственность".

Имея в виду форму выражения интересующей нас категории, т. е. рассматривая ее как категорию грамматическую, имеющую в тунгусо-манчжурских языках свое морфологическое выражение — два ряда посессивных форм (личных и неличных), — можно признать термин „принадлежность" приемлемым.

Имея же в виду содержание интересующей нас категории, т. е. рассматривая ее как категорию понятийную, строящуюся на противопоставлении двух видов собственности, термин „принадлежность" приходится признать для этих случаев непригодным.

Различие в двух грамматических рядах и в двух видах собственности мы, следуя общепринятой терминологии, передавали прибавлением к узловым терминам „принадлежность", „собственность" и т. д. дифференцирующих определителей — „отчуждаемая", „неотчуждаемая" и „органическая", „неорганическая".

Имея в виду аспект формально-грамматический, можно принять любую из этих пар определителей, пользуясь ими чисто терминологически, т. е. исходя не из их этимологии, а из закрепившегося за ними условного значения. Важно лишь под одной парой этих определителей („неотчуждаемая", или „органическая") понимать один определенный ряд форм, а под другой парой („отчуждаемая", или „неорганическая") — второй, противостоящий формально первому ряду. В этом случае условность может быть доведена до алгебраичности (ряд *A*, ряд *B* и т. п.) без особого ущерба для дела.

Когда же речь идет о содержании, передаваемом этими двумя рядами форм, когда мы определяем два различных вида собственности или обладания, едва ли можно пренебречь лексическим значением определителей, не опасаясь быть понятым неправильно, превратно. В этом случае нужны специальные уточняющие оговорки.

Определители „отчуждаемая" и „неотчуждаемая", если иметь в виду их общетерминологическое значение (область права, юриспруденции), не подходят к той категории, которая связана с различием двух видов собственности у тунгусо-манчжуров. На предыдущих страницах мы старались охарактеризовать отношения собственности и представление о них в первобытном мире. Поэтому здесь ограничиваемся ссылкой на эти страницы, подчеркивая несоответствие указанных терминов сущности обозначаемой ими категории.

То же следует сказать и о терминологических определителях „органическая" и „неорганическая", если иметь в виду их общетерминологическое значение, ассоциируемое прежде всего с областью естествознания (органическая и неорганическая природа и т. п.).

Терминологический определитель „имущественная" (принадлежность, собственность), предложенный Н. Ф. Яковлевым (при анализе материалов адыгейского языка) для обозначения собственности, выражаемой аффиксами ряда отчуждаемой принадлежности, для терминологического определения аналогичной категории, наличной в тунгусо-манчжурских языках, как об этом можно судить на основании изложенного в этой статье материала, применен быть не может.

Итак, точных терминов для определения (наименования) двух видов собственности, обнаруживаемых формами языков тунгусо-манчжурских народностей, в лингвистике нет. Нам предстояло либо пойти по пути терминотворчества, либо использовать общепринятые термины, снабдив их целым рядом уточняющих оговорок. Мы избрали второй путь.